

С.А. РОМАНЕНКО

История и историки в межэтнических конфликтах

(Югославия конца 80-х - начала 90-х годов)

Распад социалистической Югославии был неизбежен - исторически изжили себя и идея югославизма, и форма этнотерриториальной федерации, и распределительная экономика в форме "самоуправленческого" социализма. Процесс самоопределения каждого народа требовал новых форм. Неизбежность распада была обусловлена и тем, что в стране не сформировалось полиэтничное гражданское общество - югославизм так и остался панэтнической иллюзией, не став идеологией и психологией полиэтничного общества, основой бесконфликтного сознания, моделью сотрудничества в рамках развитого гражданского общества - единственного фундамента для сохранения целостности современного государства, которое неизбежно является полиэтничным. Государственной системе югославизма на протяжении всей ее истории были присущи как конфликты этнических общностей между собой, так и конфликт этноса и государства.

Груза югославизма не выдержала ни централистская авторитарная "буржуазная" монархия, ни федеративное тоталитарное социалистическое государство. Югославское государство, выполнив свою историческую роль, оказалось в конце XX века нежизнеспособным и рухнуло под тяжестью внутренних противоречий и системных кризисов, не выдержав окончания "холодной войны" и блокового противостояния, в котором оно долго играло роль посредника и буфера. СФРЮ, унаследовав проблемы и противоречия Австро-Венгрии, Сербии и межвоенной королевской Югославии, прибавила к ним и свои собственные.

Дискуссии о содержании и направленности национальной идеологии, о соотношении югославянского и этнического сознания, о федерализме и унитаризме, о роли монархии Габсбургов в развитии хорватской нации, о хорватско-сербских отношениях и самой исторической легитимности государства начались в Югославии чуть ли не с момента ее создания в 1918 году и воссоздания в 1945 году [1-3]. Исходной точкой был не завершившийся и по сей день процесс национального самоопределения, который в идеологии национальных движений сербов, хорватов, словенцев, босняков, македонцев рассматривался как создание независимого национального государства. "Особенности исторического развития, различия исторического сознания предопределили разное понимание югославизма. В основном он не воспринимается как национальность, но все же как некое связанное с ним явление, поскольку югославянский компонент присутствует в национальном сознании каждого народа Югославии. Факторы, способ-

---

Романенко Сергей Александрович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН и Института международных экономических и политических исследований РАН.

ствовавшие конституированию наций в Европе, - общее прошлое, общая история, общность происхождения, этническое родство, территориальная, государственная, культурная и языковая общности - все это в большей или меньшей степени характерно и для югославянства. Но национальное и югославянское не надо рассматривать как нечто взаимоисключающее", - писал, стремясь обосновать югославизм как этническую и государственную идеологию, как форму государства, загребский культуролог и публицист П. Матвеевич в начале 80-х годов, в момент, когда уже начали нарастать кризисные и дезинтеграционные тенденции в СФРЮ [4, S. 25, 26].

Но югославизм, как и общеславянская идея в целом, в исторических условиях конца XX века уже не мог быть альтернативой этническому национализму каждого отдельно взятого югославянского народа, не мог служить долговременным идеологическим фундаментом для многонационального государства южных славян. Наоборот, будучи лишь особой его формой, югославизм превратился в одну из причин конфликтов между самими этими народами. Естественно, политики и идеологи сербского, хорватского и других национальных движений стремились найти новое историческое (как и правовое, этнодемографическое и др.) обоснование новых форм национального самоопределения.

Для многих из них самоопределение стало раз и навсегда данным правом этнической, а не гражданской общности, неким неизменным вневременным принципом. Идея полиэтничного государства оказалась дискредитированной в глазах всех народов ее связью с тоталитарным коммунистическим прошлым. Заслуги коммунистов в освобождении Югославии были забыты, более того данный факт ставился им в вину. Действительно, югославизм и коммунизм, опираясь на схожие лозунги "братства народов" или "братства всех трудящихся", создавали видимость решения социальных и этнических проблем, на деле лишь загоняя их внутрь.

Становление партийно-политической системы в момент кризиса СФРЮ и после ее развала происходило по этническому принципу, в соответствии с закономерностями развития и политической культурой, действовавшими еще во времена Австро-Венгрии, охватывавшей большую часть региона Центральной Европы. Сказались и идеологические и психологические традиции - осознание роли национального вопроса как главного, отождествление национальной независимости с национальной свободой и демократией, представление об этнической общности как о субъекте государственного, имущественного и иных видов права, как о субъекте не только политических, но и экономических отношений, о приоритете этнической общности перед личностью. Поэтому по традиции образование политических партий происходило в первую очередь не на основе сходства идей, а по этнической принадлежности. Осознание единства политических интересов и идеологических принципов отходило для членов вновь образовавшихся политических партий у разных народов в пяти республиках СФРЮ, ставших после ее распада независимыми государствами, на второй план.

Если сопоставить высказывания деятелей, являющихся в различной степени духовными наставниками и политическими лидерами своих конфликтующих друг с другом народов (например Ф. Туджман у хорватов, С. Милошевич и В. Шешель у сербов, муфтий зеницкого округа в Боснии Х. Халил эфенди Мехтич у мусульман-босняков), то бросается в глаза их однотипная непримиримость по отношению и к "титовской Югославии", и к народам-соседям в рамках распавшегося общего государства. Это подчеркивает как остроту проблемы, так и ее сложность [5-7]. Сложность нахождения новой ориентации в новых обстоятельствах.

Стремясь освободиться от "проклятого прошлого" коммунистической Югославии, они не замечают, что сами находятся в зависимости от "преданий старины глубокой", пытаются новые проблемы решить на основе старых методов, стереотипов, старой ненависти. Как и значительная часть их сограждан и соплеменников, они потеряли представление о времени и пространстве. История и современность сливаются в сознании в одно неразрывное целое, утрачиваются различия между прошлым, настоящим и будущим. Нерешенные в прошлом проблемы представляется возможным

решить в новых исторических обстоятельствах, опираясь на отживающие или отжившие принципы минувшего. Казалось бы, далекие проблемы отношений между сербами, хорватами и босняками XIX - начала или даже середины XX века в силу особенностей исторического развития югославянских народов являются и ныне актуальнейшими политическими вопросами, поскольку многие проблемы "вторая Югославия" И. Броза Тито унаследовала и от межвоенной Югославии, и от независимой Сербии, и от государства Габсбургов [8].

Ныне во вновь образовавшихся после распада Югославии государствах к власти пришли силы, которые - несмотря на различную социально-политическую ориентацию - суть наследники тоталитарной коммунистической политической культуры и традиционной национальной идеологии, в том числе и принципа исторического государственного права. Они признают лишь этническую общность как субъект государственного права и собственника территории. И в Сербии, и в Хорватии постепенно возобладала тенденция рассматривать создание Югославии в 1918 году как препятствие, как шаг назад на пути создания моноэтнических национальных государств, которые отождествлялись с демократией. Они исходили и исходят из принципа XIX века "одна национальность - одна территория - одно государство - одна нация - одна религия".

Линия трезвого и профессионального подхода оказалась отброшенной. С конца 80-х годов в Белграде, Загребе, Любляне, Сараево все чаще появляются взаимные нападки и открытая полемика историков, писателей, политологов, журналистов. Историки оказывались вовлеченными в политические спекуляции на почве истории. В такой ситуации история из науки превратилась в пропаганду, возвращаясь, только на ином идейном фундаменте, к тому, от чего хотели уйти интеллектуалы, разрушая коммунистическое государство.

Общие черты такого рода политической пропаганды на основе исторического материала очевидны. Это - тенденциозный и ограниченный подбор документов и фактов, их абсолютизация и рассмотрение вне исторического контекста, тезис о неких изначальных и неизменных чертах психологии народа и национальной идеологии, обвинение "враждебного" народа в целом во всех трудностях и трагедиях "своего" народа. Но такого рода литература не может преодолеть старые предрассудки, а воспитывает новые и становится препятствием на пути к поискам мира. Историки начинают убивать историю как науку, а манипулирование историческим сознанием в политических целях, свойственное "титовской" Югославии, продолжается.

Неизбежно возникает проблема ответственности ученых за развитие межэтнических отношений, за возникновение конфликта и его перерастание в войну. Насколько был предопределен, неизбежен конфликт? Винаваты ли в этом конкретные люди и профессиональные группы - политики, интеллектуалы, журналисты? Нельзя не согласиться с П. Матвеевичем и в том, что "во всех многонациональных государствах можно встретить людей, болезненно воспринимающих национальный вопрос. Для их высказываний характерен ограниченный набор слов, неспособность к диалогу в разговоре, отсутствие вкуса к общению с другими людьми" [4, S. 38]. "Если мы будем рассматривать исторические события, исходя из узких национальных представлений, - подчеркивал сербский историк Ч. Попов, - то очень быстро придем к идеологизации истории в направлении националистической идеологии" [9].

К сожалению, постепенно ведущие роли в политической и общественной жизни в республиках бывшей Югославии, превратившихся в самостоятельные государства перешли в руки таких людей, как те, о которых писал Матвеевич. Именно они начали играть все большую роль в политике, информации, духовной жизни. Многие ученые сменили жанр своей работы, превратившись в публицистов, стали, как и раньше обслуживать власть имущих в новых государствах. Это неизбежно привело к утрате профессионализма. Их работы и стали играть в разгоревшемся межэтническом конфликте роль оружия. Выискивание в истории наиболее болезненных проблем в негативных событиях в межэтнических отношениях стало их основной целью и задачей

При этом они стремились не столько доказать свою правоту, сколько уязвить оппонента, возложить вину за происходящее на "не свой" народ в целом. В результате события пошли в направлении, об опасности которого предупреждал Попов.

Начинается использование истории для непосредственных политических и политологических параллелей - политологические схемы как мифы не только не способствуют, но и препятствуют обретению нового самоопределения, верного ощущения и сознательного нахождения народом и государством своего места во времени и пространстве, в новых исторических обстоятельствах. По мере развития межэтнических отношений в период конфликта изменяется роль исторического сознания в жизни государства и еще не сформировавшегося общества.

Гуманитарные науки играют очень важную роль в возникновении, развитии и предупреждении такого рода конфликтов. На начальной стадии они являются барометром, который фиксирует симптом неблагополучия. Затем они становятся не только оружием в разразившейся войне, но и одной из первых ее жертв. Им не суждено стать бальзамом, успокаивающим и заживляющим раны на душе народов. Если проанализировать политико-пропагандистскую битву, разыгравшуюся между Сербией и Хорватией в 1991-1995 годах, то бросается в глаза сходство приемов, методов, парность взаимных упреков и исторических мифов, которыми стороны "обосновывают" свои претензии на одни и те же территории и друг к другу. В ней используется весь исторический материал вплоть до археологических источников. Не удивительно, ведь "сознание, восходящее к архаичным или примитивным состояниям, склонно к замене истории этногенезом". Так писал Матвеевич [4, S. 36].

Точками наиболее острой полемики, действительно, являются этногенез и историческая география, обретение конфессиональной идентичности, межнациональные и межгосударственные отношения, территории, отношение к национальным независимым государствам и двум историческим разновидностям югославского государства (королевской - 1918-1941 годов и "титовской" - 1942-1991 годов), к Германии, Австро-Венгрии, Турции и России, к мировым войнам, к отдельным историческим личностям. Это определяется и внутренней структурой самого исторического сознания каждого народа, которое делит прошлое на давнее и недавнее, на национальное и общеевропейское (которое, в свою очередь, четко отличает королевскую Югославию от титовской), а также самоидентификацией каждого народа в историко-географических регионах Центральной и Юго-Восточной Европы, как и в Европе в целом [10, 11].

В период обострения межэтнических отношений в Юго-Восточной и Центральной Европе история, политология, другие гуманитарные науки часто используются для обоснования притязаний вновь образовавшихся государств на те или иные территории. При этом активно используются традиции идеологии национальных движений XIX-XX веков, опирающиеся на историческое и естественное право, национальный принцип, подсчеты этнодемографического состава населения. В то же время часто сравнивают, проводя не всегда корректные аналогии, Австро-Венгерскую и Российскую империи, СССР и Югославию, хотя это во многом типологически и исторически разные многонациональные и полиэтничные государства.

Постепенное нарастание накала полемики между историками разных национальностей в СФРЮ 60-80-х годов отражало нарастание напряженности в межнациональных отношениях. На следующем этапе развития конфликта - в начале 90-х годов - история превратилась в оружие в политико-пропагандистской войне правящих в Сербии, Хорватии, Боснии режимов. Многие историки распавшейся Югославии, к сожалению, не смогли ни преодолеть старых предрассудков, схем и стереотипов, ни использовать свою науку для охлаждения страстей и примирения, для формирования неконфликтного сознания, ни сохранить историю как науку. В этом одно из проявлений трагедии и самих интеллектуалов, и демократического движения каждого народа, и Югославии в целом. Это и трагедия нового поколения историков, проблема интеллектуалов и их ответственности.

На страницах газет и журналов в начале 80-х годов стали печататься материалы, откровенно содержавшие элементы оскорбления национальных чувств и нетерпимости по отношению к другим народам. Активное участие в ожесточенной полемике, разгоревшейся между печатными органами Белграда, Загреба, Любляны, принимали и историки. Именно на них общественное мнение и правящие элиты возлагали миссию придания исторической обоснованности прав "своего народа", обвинения соседа во всех бедах экономики и общего государства, и своих соплеменников в нем. По постепенному накалу этих "научных споров", выплеснувшихся на страницы печати, в теле- и радиозфир, можно судить и о развитии самосознания каждого народа, и о его отношениях с соседями. Все это было одновременно и симптомом, и причиной, и результатом, глубокого кризиса в межнациональных отношениях в распадавшейся СФРЮ. По мере нарастания напряженности в межнациональных отношениях в Югославии попытки использовать историю в качестве орудия в политической полемике, шире - в этнополитических конфликтах - стало устойчивой тенденцией.

Война интеллектуалов в СФРЮ, к сожалению, началась гораздо раньше войны военачальников. Новое во многом создавалось на старой базе конфликтной национальной идеологической и психологической традиции и конфликтного социального сознания - наследия тоталитаризма и коммунизма. В этих условиях историческое государственное право и национальный принцип, право этнической общности на территорию, ее недра и средства производства выступают противовесом и заменяют в сознании людей нормальные имущественные права гражданского общества. Осознание этносом своей принадлежности к определенному историко-географическому региону (в данном случае - хорватов и словенцев к Центральной Европе) обосновывало неизбежность и необходимость их выхода из Югославии и разрыва с сербами, принадлежащими культурному типу Юго-Восточной Европы. Сюда же добавлялось и чувство принадлежности к разным конфессиям.

В Сербии, и в Хорватии идеалом стали средневековые национальные государства, названные по традиции именами их правителей - "Душаново" (XIV век) у сербов и Томиславово (X век) или "Звонимирово" (XI век) у хорватов. Обе стороны как бы не замечали, что сербы и хорваты эпохи раннего средневековья разительно отличаются от их нынешних потомков, что в историческом смысле слова это разные этносы. Однако сербская пропаганда утверждает, что нынешний президент Хорватии Ф. Туджман - исторический преемник крайнего националиста XIX века Л. Старчевича. а нынешняя независимая Хорватия - продолжатель и преемник Независимого государства Хорватия (NDH) - марионеточного национального государства, созданного крайними хорватскими националистами А. Павелича ("ушташами") в период оккупации территории Хорватии во время Второй мировой войны германскими и итальянскими войсками. При этом упускается из виду, что современная Хорватия, как это зафиксировано в ее конституции, берет свое начало от постановления Краевого Веча национального освобождения Хорватии, созданного в рамках коммунистического сопротивления агрессорам под руководством И. Броза Тито в 1943 году и получившего подтверждение в конституции Народной Республики Хорватия в рамках ФНРЮ и конституциях Социалистической Республики Хорватии в 1963-1990 годах в рамках СФРЮ.

Хорватская пропаганда также не остается в долгу и отвечает утверждениями, что нынешний сербский президент С. Милошевич осуществляет программу создания "великой Сербии", автором которой в XIX веке был министр внутренних дел автономного Сербского княжества И. Гарашанин. Если в хорватском сознании прочно закрепился негативный образ Гарашанина, то в сербском - Старчевича.

Сербская пропаганда использует тезис об "извечной склонности хорватов к геноциду" других народов, прежде всего сербов, ссылаясь при этом на трагедию сербов во время Второй мировой войны, в особенности - в концентрационном лагере Ясеновац. Хорватская сторона "отвечает" упреками в "изначальном великодержавии", обвиняя сербскую сторону в расправе над рядовыми солдатами, мобилизованными в

армию Павелича, и ушедшим вместе с ними к англо-американским союзникам мирным населением, которые в 1945 году были выданы режиму Тито. Справедливо подчеркивая преступления пронацистского режима Павелича, сербская сторона умалчивает о наличии в самой Сербии во время Второй мировой войны и коллаборационистов (глава сербской администрации во время войны М. Недич), и последователей идей Гитлера и Муссолини (Д. Летич), и преступлений "четников" во главе с Д. Михайловичем.

Для обеих сторон характерны спекуляции на антифашистском сознании, сохранившемся в широких слоях населения бывшей Югославии, независимо от национальности. При этом возникает ощущение, что история остановилась и неизменные с XIX века народы в неизменных обстоятельствах решают одну и ту же задачу. Отсюда возникла и не имеющая никакого рационального исторического фундамента внедряемая в сознание сербов теория о том, что вторая мировая война еще не закончилась. Тем самым создается и ощущение тупиковости и бесцельности исторического бытия своего народа, с одной стороны, и чувство постоянного вражеского окружения - с другой.

Действительно, в XIX-XX веках перед хорватским национальным движением стояла та же историческая задача, что и перед сербами, - задача национального самоопределения, включающая, в частности, политическое, а по возможности и государственное, объединение своих этнических территорий, национальное освобождение. Белград и Загреб стали соперниками в борьбе за первенство в таком возможном объединении южных славян. Поэтому и задачи, и идеология национальных движений обоих народов по своей сути и идеологическим формам, по структуре однотипны. Они обусловлены особенностями социального и этнического их развития, процессом национального самоопределения.

Но надо иметь в виду, что в ходе истории изменялись и внешние обстоятельства, и сами эти народы. Лучшие умы и сербов, и хорватов сумели это понять и расстаться с возникшей в XVIII-XIX веках в германской науке теорией неизменного "народного духа". Вот что говорил, например, один из известнейших хорватских писателей, выдвигавшийся в семидесятые годы на Нобелевскую премию по литературе, М. Крлежа: "Народы в истории не являются чем-то неизменным ни нравственно, ни физически, и не надо их идеализировать ни абстрактно, ни в принципе как единые и цельные организмы, которые сохраняются в пространстве и во времени по неизменным законам. Народы постоянно изменяются, и наши народы - не исключение" [12].

Неисторический, ненаучный спекулятивный подход господствовал также в оценке причин и характера войны, разразившейся в 1991 году. Сербская сторона стремилась доказать, что этот конфликт является "заговором Ватикана" против православия, что война носит религиозный характер. Хорваты в ответ пытались доказать, что основным этнодифференцирующим фактором в образовании сербской нации был факт религиозной, а не этнической или государственной самоидентификации.

Поскольку сербский и хорватский языки достаточно близки, в XIX веке возник миф о том, что сербы - это принявшие православие хорваты, и наоборот, хорваты - это окатоличенные сербы. Этот миф живет до сих пор и активно используется в пропагандистской войне. В наши дни к нему прибавился и новый миф о том, что босняки-мусульмане в Боснии - "искусственный этнос", созданный в 60-70-е годы XX века Брозом Тито. Или же, что босняки - омусульманенные этнические сербы или хорваты. За подобными утверждениями явно проглядывает соперничество сербского и хорватского государств в Боснии.

Для обоснования своих этнотерриториальных притязаний стороны используют историческое право, демографию, этнологию. В книге, вышедшей на территории самопровозглашенной Республики Сербская Краина, утверждалось, что эти территории, на которых сербы расселились после своего бегства от турок, являются чуть ли не сербским этническим государством, что территория Хорватско-Славонской Военной границы, бывшей частью Австрийской империи, должна совпадать с

территорией провозглашенной после распада СФРЮ на территории Хорватии Республики Сербская Краина. В ходу тезис о том, что в XVI-XVII веках хорваты "плохо относились к сербским беженцам", что существует изначальная несовместимость этих двух этносов.

Хорватские ученые отрицают это, приводя противоположные свидетельства и утверждая, в частности в соответствии со своей национальной исторической традицией, что по происхождению значительная часть православного населения, называющего и ощущающего себя сейчас сербами, это не сербы, а так называемые "влахи", связанные своими этническими корнями с румынами. Но сам спор представляется беспредметным, ибо смешанный в этническом отношении состав населения Военной границы очевиден. Территория Военной границы не совпадала с территорией Сербской Краины, которая не может рассматриваться ни как наследница Военной границы, ни как хорватское или сербское этническое государственное образование, поскольку была частью Австрийской империи, но никак не хорватским или сербским этногосударственным образованием. Кроме того, факт этнического происхождения и история части населения государства не могут служить основанием для нарушения властями этого государства прав его граждан, будь то коллективных или индивидуальных.

Использование для обоснования самоопределения этнических общностей принципа "исторического права" ведет к войне, а не к миру. Теоретически это было доказано еще австромарксистами. Осуществление исторического государственного права, по мнению К. Реннера, представляло бы "худшую из всех возможных утопий", ибо "его идеал в прошлом и никогда не может быть реализован", и это оставит национальный вопрос "навсегда открытым" [13]. Этнополитические вопросы вообще не решаются подобно общеполитическим и социальным простым голосованием "на большинство". А этнодемографический состав населения стал в образовавшихся на территории распавшейся Югославии предметом "научного" манипулирования и обоснованием "этнических чисток".

Каковы же результаты воздействия на массовое сознание исторической науки и историко-политической пропаганды? В каком состоянии оно оказалось после краха государства и основ мировоззрения, идеологической, психологической и настоящей войн в купе со сменой экономической, социальной и политической систем и образованием национальных государств? Как связаны между собой историческое сознание и патриотизм?

Каждая из сторон сербско-хорватского конфликта имеет свою мотивацию, которая отличается не только внутренней логикой, но и внутренней противоречивостью. Естественно, важнейшей составной частью этой мотивации является и соответствующее "историческое обоснование". Исходя как из советского и постсоветского, так и из югославского и постюгославского опыта, можно выделить несколько основных приемов и форм такой историко-этническо-политической пропаганды:

- замалчивание объективной и всесторонней информации об истории своего и других народов, выхватывание некоторых "удобных" событий и тенденциозная их трактовка;
- подмена анализа эмоциями;
- опора на этнические стереотипы и исторические мифы, а также на схемы прошлого как на доказанные факты;
- некорректное использование исторических аналогий, применение прямых параллелей между ситуациями в прошлом и настоящем и игнорирование существенных различий между ними, исходящее из тезиса о неизменности духа, психического склада и характера этноса и его прав (естественного, исторического и государственного);
- поиски документов, относящихся к возможно более раннему периоду, с целью "доказать право" своей этнической общности на данную территорию, манипулирование найденными документами без учета того, что они были созданы в иной исторической обстановке, людьми с иными представлениями, т.е. "историко-правовой беспредел";

- стирание грани между собственно историческим и политическим сознанием;
- упор на политическую роль церкви, конфессиональная принадлежность рассматривается как основной критерий этнической и государственной общности, отождествление этнического и конфессионального самосознания.

В результате войны оказалось разрушенным общее югославское интеллектуальное и культурное пространство. Этого нельзя было избежать полностью - такова логика распада государства. Но при мирном развитии событий их последствия были чреваты гораздо меньшими издержками. Ныне же нанесен большой ущерб и культуре, и науке всех вновь образованных государств. Более того, многие интеллектуалы, встав на службу новым властям и "оправдывая" войну и межэтническую враждебность, убивают национальную память, отдавая ее во власть мифов, старых и новых примитивных этнических стереотипов, и способствуют - еще один парадокс - не только разрушению общего государства, но и разрушению "своего", только что созданного. Ведь не бывает этнически "чистых" государств. Пример вновь образованных в начале 90-х годов государств Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы доказывает это со всей очевидностью.

Подобная политическая предопределенность, по сути, ведет к кризису гуманитарных исследований, означает отрицание гуманистических и либеральных традиций науки югославянских народов, выработанных в тяжелом соперничестве с идеями крайнего агрессивного этнического национализма и тоталитаризма. Она означает отказ от гуманистического наследия современной Европы, принадлежность к которой яростно доказывают состоящие на службе у своих правительств югославянские интеллектуалы разных национальностей. В этом смысле распад послевоенной Югославии означает и кризис ее историографии.

В нынешних же условиях наука утрачивает свои функции, перестает быть собственно наукой. Интеллектуалы часто выступают не как носители знаний, которые стремятся установить истину, а как обслуга политического истеблишмента и пропагандисты межнациональной ненависти, уже приведшей к вооруженному конфликту.

Еще в 1849 году известный сербский политический деятель и комедиограф Й. Стерия Попович написал в предисловии к своей комедии "Патриоты" (кстати, разрешенной к постановке на сцене в Сербии только шестьдесят лет спустя): "Пока мы будем себя только хвалить, оправдывая свои слабости и ошибки, искать в истории, сколько и кто из героических наших предков голов срубил, а не будем замечать, где он с пути-дороги сошел, - до тех пор мы будем хромать и ни на волос не станем лучше... Бросим взгляд на позднейшую историю нашу. Все, что было глупо, преувеличено, бессмысленно, - всего больше имело почитателей, а голос умеренности рассматривался как антинародность, дух противоречия и предательство. Ибо всякий человек склонен к чрезвычайному и, не зная, что оно может принести ему несчастье, слепо бежит за ним и злится на каждое разумное слово" [14]. Не правда ли, звучит трагически злободневно?

Закрытое общество, основанное на идеологии "одна национальность - одна территория - одно государство - одна нация - одна религия" несет в себе зародыши внутренних конфликтов (гражданской войны), а также межэтнических и межгосударственных конфликтов, независимо от типа и пути их развития. Это доказывает история конфликта Сталина и Тито. Кроме того, разговоры об этническом единстве даже этнически родственных народов означают отрицание той самой национальной самобытности каждого из них, защитниками которой носители данной идеи себя считают.

Объединение в одно государство этнически родственных народов с целью предотвратить конфликт между ними в процессе национального самоопределения является иллюзией. Это неизбежно ведет к ассимиляции и межэтническому взрыву. В то же время великодержавная риторика, не подкрепленная к тому же реальными возможностями и силой, означает признание собственной слабости и в действи-

тельности приносит вред, находится в прямом противоречии с подлинными интересами государства.

Сознание этнической общности, отвергая "унизительное и тяжелое" настоящее, воспроизводит на основе деформированного исторического сознания (незнания прошлого, мифологизации, стереотипизации, схематизации, предрассудков, отсутствия рационального научного знания) свое "великое" прошлое, в котором она хочет видеть свое будущее.

В конце 80-х - начале 90-х годов в Югославии сплелись воедино застарелый межэтнический конфликт, т.е. взаимные обиды, нанесенные народами этих государств друг другу за долгое время их проживания на одной территории или же рядом друг с другом, и социально-политические противоречия. Абсолютизация прав этнических общностей на создание государственных образований в сочетании с тяжелым психологическим и политическим наследием тоталитаризма и идеологическим коммунизмом, укоренившиеся в сознании многих политиков и простых людей разных национальностей, делают возникшие конфликты чрезвычайно трудно разрешимыми. Сходные процессы происходят и на постсоветском пространстве.

Ошибка у всех "схлестнувшихся" в конфликте на территории бывшей Югославии групп и их идеологов одна и та же, но ее причины различны. Если у одних преобладает тяга к национализму или коммунистическому идеологическому мифу, то у других - стремление свести все историческое и национальное своеобразие к упрощенным социологическим и политологическим схемам. Ими абсолютизируются отличительные черты посткоммунистической стадии развития стран Восточной и Юго-Восточной Европы, совпадение политической ситуации, но при этом упускаются обусловленные историческим, этническим и региональным развитием особенности. За всем этим кроется отсутствие в сознании реального чувства истории, которая рассматривается лишь как сборник ответов к задачку современной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Романенко С.А. Хорватская историография 80-х: между историей и политикой // Национализм и формирование наций. Теории - модели - концепции. М., 1994.
2. Jugoslovenski istorijski casopis. Sedamdeset godina Jugoslavije. Tematska sveska. Beograd, 1989. № 1-4.
3. Srpska strana rata. Priredio Nebojsa Popov. Beograd, 1996.
4. Matvejevic P. Jugoslavenstvo danas. Beograd, 1984.
5. Велика Србија. Новине Српске радикалне странке. Београд, 1994. С. 2, 3.
6. Globus. Zagreb, 2.09.1994.
7. Tudman F. О povijesnoj nuznosti i protuslovlju samoodredenja i integracije europskih naroda // Sto jest i sto hoce HDZ. Zagreb, Sijecanj 1990. S. 51, 52.
8. Романенко С.А. Австро-Венгрия или Югославия // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995.
9. Попов Ч. Ленин је био у праву // НИИ. Београд, 1927.
10. Zecevic M., Lekic B. Frontiers and internal territorial division in Yugoslavia. Belgrade, 1991.
11. Lucic J., Sanjek F., Antic L., Vidacek B., Bertic I. Hrvatski povijesni zemljovid. Zagreb, 1994.
12. Cengic E. Krleza. Zagreb, 1982. S. 395.
13. Синоптикус. Государство и нация. СПб., 1906. С. 29-31.
14. Стерна Попович Й. Комедии. М.-Л., 1960. С. 317, 318.